

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
БИБЛИОТЕКА АН СССР

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЭРМИТАЖ

Б. В. САПУНОВ

**КНИГА
В
РОССИИ
) В XI-XIII ВВ.**

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. П. ЛУПОВА

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предмет, которым занимается Б. В. Сапунов, точнее всего может быть определен как историческая социология книжной культуры.

Основной вопрос, с которым исследователь обращается к историческому изучению книжной культуры, — это вопрос о том, в какой социальной среде и в какой мере была распространена книга в изучаемый им период.

Когда мы, допустим, изучаем историю литературы, мы редко задумываемся — какому числу людей эта литература была доступна. Мы изучаем авторов — их социальную прикрепленность и их окружающую среду, но совершенно забываем о читателях — потенциальных и реальных. Между тем далеко не безразлично — пишется ли книга для читателей, составляющих малый процент населения страны или ее большинство, рассчитана ли книга на десятки тысяч читателей или на десятки миллионов. Чрезвычайную важность представляет вопрос о количестве книг, обращающихся в той или иной среде.

Одно дело — напрестольное евангелие, которое читается во время богослужения только священником (даже не дьяконом), другое — занимательная повестушка, интересное житие святого, читателями которых выступают гораздо более широкие круги грамотных людей.

Все эти социологические вопросы чрезвычайно важны для исследования книжной культуры, но они по большей части обходились специалистами всех родов (литературоведами, историками книжной культуры и др.). Обходились они не потому, что значение их недооценивалось, а потому, что не было изобретено приемов для их реше-

ния, если дело касалось отдаленных эпох. Предмет казался безнадежно недоступным.

Значение работы Б. В. Сапунова состоит именно в том, что он изобретательно проник в эту важную область.

Впрочем, сказать, что в этом плане ничего не предпринималось исследователями, было бы неверным. Упомяну Н. В. Волкова, попытавшегося в своей небольшой книге «Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV вв.» (СПб., 1897) дать не только сведения о сохранившихся книгах XI—XIV вв., но вычислить примерное количество существовавших в то время книг, а также А. И. Соболевского, предложившего в своей брошюре «Образованность Московской Руси XV—XVII вв.» (изд. 2, СПб., 1894) приемы исчисления количества грамотных людей для различных сословий. Однако работа первого была в основном посвящена сохранившимся книгам, и поэтому его соображения о возможном числе книг, чему он и сам не придавал особого значения, не привлекли внимания исследователей, а работа второго хотя и предлагала вполне конкретные способы исчисления, но на основе очень специфичных для XV—XVII вв. материалов (подписей под грамотами), и способы эти не могли быть распространены на другое время, в том числе и на домонгольскую Русь.

Попутно отмечу, что хотя приемы А. И. Соболевского по исчислению грамотности населения в различных слоях Московской Руси XV—XVII вв. не были никем оспорены, однако результаты этих вычислений оказались в таком противоречии с существовавшими в конце XIX—первой половине XX в. общепринятыми взглядами на низкий уровень грамотности в Московской Руси XV—XVII вв., что недоверчивое отношение к ним продолжало упорно сохраняться вплоть до открытия берестяных грамот в Новгороде. Так, например, акад. М. Н. Тихомиров резко отрицательно относился к взглядам А. И. Соболевского еще в начале 50-х годов и решительно изменил свою точку зрения на уровень грамотности Древней Руси только после новгородских открытий, в публикации которых сам принял участие.

Итак, в книге Б. В. Сапунова перед нами очень нужная и вместе с тем очень трудная для изучения тема.

Наиболее интересны те главы работы, в которых гипотетически устанавливается количество древнерусских

книг X—XIII вв. и приблизительная стоимость отдельных экземпляров.

Дело в том, что свои характеристики древнерусской книжной культуры сам Б. В. Сапунов делит на «количественные» и «качественные», — иначе говоря, на статистические сведения о книгах и на характеристики книжности по содержанию. Что касается первых, т. е. количественных характеристик, то они выведены путем ряда остроумных приемов, потребовавших от автора кропотливейшей работы. Он является изобретателем своих методических приемов, и эти приемы можно уточнять, совершенствовать, корректировать, дополнять. Подвергнуты обработке большие материалы, извлеченные им из самых разнообразных исторических источников (письменных и вещевых), проверенных на основании существовавшей в прошлом или существующей и ныне практики. Методы реконструкции статистических данных, применяемые Б. В. Сапуновым, основываются на приемах, выработанных статистикой, социологией, демографией. Что же касается характеристик древнерусской книжности по содержанию, то они вполне традиционны, но тем не менее нужны, потому что нельзя говорить о древнерусской книжности, полностью отвлекаясь от ее содержания. Даже те или иные рубрикации требуют своего определения по существу.

Весьма важна и содержательна глава «Производство рукописных книг, их цена и стоимость в XI—XIII вв.», содержание которой значительно шире, чем ее название. На самом деле глава эта не только определяет примерную цену и стоимость книг, но и вносит важные коррективы в наши представления об их изготовлении, во всяком случае — о мотивах, которыми руководствовался писец, выбирая формат, ширину полей, размеры букв. Представление о том, что изготовление книг «угнеталось» их дороговизной, неверно. Оказывается, выбор ширины полей, размеров букв, типа разлиновки, размера листов пергамена и пр. совершенно не учитывал необходимости экономии. Писец выбирал наиболее удобные и эстетически приемлемые габариты рукописи, а часто, выходя за пределы этих установок, стремился к особой роскоши, великолепию и даже просто дороговизне рукописи, превращая свое изделие в ювелирную драгоценность (особенно тогда, когда он создавал напрестольное евангелие). Дороговизна

книги была элементом особо почтительного к ней отношения, элементом «эстетики книги».

Несомненно, что в будущем историки русской книги должны будут считаться не только с цифровыми данными этой главы, касающимися цены и стоимости книги, но и с многими данными по «технологии» выработки пергамена (его раскроя), разноцветки рукописей, размещения текста на листе и пр.

Очень интересна обширная глава «Гипотетическое восстановление возможного количества древнерусских книг». Самое важное в этой главе не самые «характеристики», а те данные, которые установлены автором для этих характеристик. Характеристика может быть сделана в принципе и на основе материалов, собранных кем-то другим. Автор путем ряда хитроумных и потребовавших от него большого труда способов сам извлек показания для этих характеристик.

В зачаточном виде приемы восстановления книжного фонда Древней Руси были предложены, как я уже указал, Н. В. Волковым. Он первый отметил связь, которая существует между количеством церквей и количеством богослужебных книг, без которых не могло совершаться в них богослужение. Однако только кропотливые разыскания о возможном количестве церквей и о составе необходимых в одной церкви богослужебных книг могли привести к сколько-нибудь положительным результатам.

Само собой разумеется, что подсчеты возможного числа городских и сельских церквей, а также монастырей и монастырских церквей, определение различного типа церквей, монастырей и монастырских церквей, а также церквей, существовавших в городах, стоили автору огромного труда. Надо было учесть ошибки и неточности источников, считаться с пропусками сведений и т. д. Специфическая трудность возникла в связи с тем, что одна церковь могла быть названа по-разному, а несколько церквей — одинаково.

Выводы этой главы, опубликованные Б. В. Сапуновым в отдельных исследованиях, давали столь большие цифры, что они были встречены с некоторым недоверием. Но здесь проявилась любопытная непоследовательность оппонентов Б. В. Сапунова: не отвергая его приемов исчисления количества книг, они стремились искусственно уменьшить поразившее их число бытовавших в X—середине XIII в.

книг. С самого начала только акад. В. В. Виноградов полностью согласился с выводами Б. В. Сапунова и привел их в докладе на IV Международном конгрессе славистов в Москве в 1958 г. Это была первая и большая победа Б. В. Сапунова, так как акад. В. В. Виноградов никогда не отличался особой доверчивостью к выводам своих предшественников. Постепенно к выводам Б. В. Сапунова «привыкли», и сейчас они принимаются как в советских работах, так и в зарубежных.

В главе «Книга в быту домонгольской Руси» исследуется целый ряд вопросов: кто были переписчики рукописей, читатели, какие были книжные центры, библиотеки, какой был прирост численности книг по векам, степень грамотности населения в домонгольской Руси по векам и по группам населения и т. д.

По большинству затронутых вопросов следующей главы — «Книга в международных культурных связях Руси XI—XIII вв.» — уже имеются многочисленные и обширные исследования. Однако без этой главы книжная культура Древней Руси была бы представлена неполно. В ней рассматривается обширная литература вопроса, и она будет помогать читателям ориентироваться в этой литературе.

Глава «Некоторые исторические предпосылки возникновения и развития древнерусской книжности» носит характер размышлений по поводу тех результатов, к которым автор пришел, и должна рассматриваться, в сущности, как заключение к работе.

Работа Б. В. Сапунова обладает замечательным свойством, которое в любой научной работе следует особенно ценить: она не претендует на окончательность своих выводов, но открывает многочисленные пути для новых и новых исследований в том направлении, которое намечено ее автором.

Указывая на то, что работа Б. В. Сапунова имеет стимулирующий науку характер, я бы хотел повторить слова, которые он пишет в конце своего «Введения»: «Данная работа ни в коей мере не закрывает ... путь, она лишь призвана облегчить его». Хочется не столько возражать автору, сколько дополнять и продолжать его исследование.

Прежде всего представляется возможным приблизительно исчислить количество рукописей еще в одной сфере книжности, на этот раз вполне светской — в области летописания. Используя данные работ А. А. Шахматова,

М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова по истории русского летописания XI—XIII вв., можно было бы вычислить минимальное количество летописных списков, необходимое для того, чтобы схема истории летописания, в том виде, в каком она нарисована ее создателями, могла функционировать. Здесь необходимо было бы принять во внимание все не дошедшие до нас своды, копии со сводов, доставлявшиеся из одного летописного центра в другой, количество рукописей, которые имел летописец под рукой, когда составлял тот или иной свод, и многое другое. Минимум потребных рукописей, чтобы схема А. А. Шахматова—М. Д. Приселкова—А. Н. Насонова могла стать действующей моделью, можно было бы определить с точностью до двух-трех десятков. Имея в своем распоряжении минимум богослужебных рукописей и минимум летописных списков, а также процент сохранившихся от них до наших дней рукописей, можно было бы восстановить примерное число рукописей, которые по своему содержанию находились между этими двумя полюсами книжности.

Данные текстологии помогут и в других случаях восстановить приблизительное число имевшихся рукописей. Текстологическое исследование того или иного произведения позволяет во многих случаях восстановить не только текст произведения, которое изучается, но и недошедшие звенья этого текста, свидетельствующие о существовании рукописей с этими не дошедшими до нас текстами.

В разделах, посвященных книжности с характеристиками по содержанию, также можно было бы кое-что сделать новое. Можно было бы попытаться восстановить книжную эрудицию тех или иных древнерусских писателей и сравнить, например, книжную эрудицию Феодосия Печерского (XI в.), Кирилла Туровского (XII в.) и Серапиона Владимирского (XIII в.). Любопытно было бы сравнить эрудицию «светских» писателей: автора «Слова о полку Игореве» и автора «Моления Даниила Заточника». Тем самым состав древнерусской книжности X—середины XIII в. мог бы быть значительно пополнен и уточнен.

Верность теме, научная инициативность, изобретательность и эрудированность автора позволяют мне с полной ответственностью рекомендовать читателю монографию Б. В. Сапунова «Книга в России в XI—XIII вв.».

Д. С. Лихачев